

Первый снег укутал деревню Шуйфу в конце ноября.

За два месяца подготовки Лу Цинцзю забил едой буквально каждый уголок в доме. Он не забыл даже попросить Чжу Мяомяо прислать целую гору его любимых фруктовых желе. Девушка хотела приехать на Фестиваль фонарей, но, услышав прогнозы о сильных снегопадах, блокирующих все горные перевалы, была вынуждена перенести поездку на следующий год.

За окном кружились хлопья снега. К ночи деревня превратилась в серебристое царство: заснеженные ветви и замерзшая земля слились в ослепительно чистый, безмолвный пейзаж.

Лу Цинцзю внес в дом чашу с тлеющими углями и переставил поближе к теплу лежанки Сяо Хуа, Сяо Хэй и лисенка. Зверьки, облаченные в заботливо сшитую Лу Цинцзю одежду, лениво грелись у очага. Летом самой желанной «подушкой» был прохладный животик Сяо Хуа, но зимой всеобщее внимание переключилось на нежный животик лисенка. Инь Сюнь даже сменил свой привычный выбор, неоднократно «покушаясь» на лисенка и пряча того в свой пуховик. Каждый раз, когда Инь Сюнь выходил из дома, из воротника его куртки удивленно высовывалась мордочка лисенка, прежде чем хозяин привычным жестом водворял «пленника» обратно.

Глядя на эту картину, Сяо Хуа сердито ворчал, обвиняя Инь Сюня в непостоянстве – ведь летом тот клялся всегда быть с ним, а теперь так легко променял его на теплую компанию лисенка. Инь Сюнь лишь виновато молчал, принимая на себя роль «распутного подонка».

Лу Цинцзю предпочитал не лезть в их запутанные отношения, позволяя каждому искать свой способ согреться.

В такие холода особенно хотелось горячей пищи. Лу Цинцзю частенько готовил сытное тушеное мясо – курицу, утку, но неизменным фаворитом оставался цунлун, добытый Бай Юэху. Внешне он почти не отличался от обычной козы, разве что мясо было нежнее и жирнее. Бульон из его костей получался наваристым и ароматным. Если утром выпить большую чашку такого супа перед выходом на улицу, тело мгновенно пронизывало живительное тепло. Лу Цинцзю тушил его с кунжутной пастой, ферментированным тофу и чесноком – блюдо получалось изысканным, без малейшего намека на неприятный козий запах.

Температура продолжала падать, и Лу Цинцзю был вынужден кутаться в толстый пуховик. Зима была для него суровым испытанием: в деревне не было отопления, и единственным спасением были угольные чаши. Однако их нельзя было оставлять без присмотра или в закрытом помещении из-за риска отравления угарным газом, поэтому приходилось оставлять окна приоткрытыми, впуская внутрь ледяные порывы ветра ради циркуляции воздуха.

В тот день Лу Цинцзю особенно мерз, свернувшись в клубок. Его руки и ноги оставались холодными, сколько бы он их ни растирал.

Бай Юэху, готовясь к зиме, успел собрать с полей внушительный урожай – более двухсот цзиней сладкого картофеля. Поскольку в доме места не хватало, он сложил овощи на чердаке, укрыв их плотной промасленной тканью от снега и влаги.

Сладкий картофель был универсален: его добавляли в рис, варили из него мягкую клейкую кашу или, если хотелось чего-то особенного, замешивали с мукой для обжаренных во фритюре блинчиков – бингов. Снаружи хрустящие, а внутри нежные и сладкие, они идеально сочетались с маринованными овощами и ферментированным тофу. Остатки картофеля стали отличным кормом для свиней и кур. Лу Цинцзю переживал за птицу в такие морозы, но Бай Юэху лишь отмахнулся: живность здесь была закаленной, и никакой холод их не брал.

Пользуясь последними днями относительного затишья, перед самыми сильными морозами Лу Цинцзю вместе с Инь Сюнем выбрался в горы – собирать дикие апельсины, что еще держались на ветках.

Апельсиновые деревья уже сбросили листву, но ветви ихгнулись под тяжестью золотисто-жёлтых плодов. После лёгкого снегопада, случившегося накануне вечером, и апельсины, и ветви припорошило тончайшим слоем белого снега, отчего картина обрела живописное очарование. Лу Цинцзю, вооружившись бамбуковым шестом, сбивал апельсины и складывал их в корзину за спиной. Плоды были невероятно кислыми, но как раз годились на варенье. Консервированные таким образом апельсины не требовали предварительного замачивания. Захотелось перекусить – просто бери ложку, зачерпни да отправь в рот. Зимой, когда ощущалась нехватка витаминов, это выходила отменная закуска.

Инь Сюнь отважился попробовать один. Кислота тут же скривила его лицо. Лу Цинцзю, наблюдая за ним, протянул руку и взял апельсин.

Инь Сюнь подумал, что товарищ тоже хочет испытать свою стойкость, и приготовился к новому зрелищу. Однако Лу Цинцзю просто небрежно сунул плод в карман, улыбнувшись: «Отнесу Юэху».

Инь Сюнь: «...» Лу Цинцзю, ты поистине ужасен.

Собрав все апельсины, они спустились с горы и двинулись домой. Зимой деревня Шуйфу была непривычно тиха. На обратной дороге не попался ни один житель. В деревне царил такая тишина, будто все разом испарились. Нос Лу Цинцзю покраснел от холода. Он хотел прикрыть его руками, но и руки заоченели, так что пришлось беспомощно сдаться.

С трудом добравшись до дома, Лу Цинцзю вошёл во двор и увидел Бай Юэху, счищающего накопившийся лёд. Тот стоял, опустив голову, и осторожно соскабливал ледяные наросты с камней по крупице.

«Юэху, Юэху! — Лу Цинцзю подбежал к нему, вытащил из кармана апельсин и протянул. — Это мы принесли с горы, попробуй».

Бай Юэху взглянул на него. Взял апельсин, очистил, разломил пополам и, как обычно, отправил одну половину в рот.

Лу Цинцзю и Инь Сюнь, затаив дыхание, наблюдали за ним, но на лице лиса не дрогнул ни один мускул. «Чего смотрите?» — спросил Бай Юэху.

«Вкусно?» — не удержался Лу Цинцзю.

«Сносно», — ответил Бай Юэху.

«Кислый?» — Лу Цинцзю уже начал сомневаться во вкусовых ощущениях лиса.

«Нормально. — Выражение лица Бай Юэху оставалось невозмутимым. — Что-то не так?»

«Ничего, — Лу Цинцзю, поняв, что ожидаемой реакции не дожждётся, слегка разочаровался. — Ладно, продолжай убирать, а я займусь апельсинами».

«Иди», — кивнул Бай Юэху.

Лу Цинцзю и Инь Сюнь повернулись к дому, не заметив, как, лишь только они скрылись из вида, Бай Юэху осторожно разжал ладонь. Лопата для льда выпала у него из рук, распавшись на несколько частей. Бай Юэху посмотрел на обломки, затем на оставшуюся половину апельсина. Молча подошёл к курятнику и швырнул плод внутрь.

Впервые за всю свою жизнь куры разделили трапезу с Бай Юэху...

Лу Цинцзю и не подозревал, какой урон нанёс его кислый апельсин. В доме он очистил плоды, залил их водой, добавил сахар и принялся варить, а после разложил готовое варенье по стеклянным банкам. Теперь можно было просто черпать его ложкой.

К тому времени, как он управился, небо уже потемнело. Зимний день длился всего часов девять-десять: рассвет наступал поздно, а ночь — рано.

На ужин был суп из тушёного цунлуна. Кастрюля, установленная на углях, тихо булькала, источая ароматный пар. Овощей было немного — лишь капуста да ростки бобов, — зато мяса в избытке, да и приправы всякие имелись. Лу Цинцзю ещё и курицу потушил — одну из бойцовых со своего двора. Мясо вышло свежим, нежным и на удивление жирным. Откусишь — солёное, ароматное, мягкое тает во рту. А косточки так и вовсе сосались с особенным, неповторимым вкусом.

Съедая капусту, сваренную в костяном бульоне, Лу Цинцзю будто выздоравливал душой. Надо признать, костный бульон и капуста созданы друг для друга. Капуста приобретала свежую

сладость, а после глотка такого супа по телу разливалось благодатное тепло. Зимой это блюдо – истинная отрада. Не говоря уж о Бай Юэху, даже Инь Сюнь съел на несколько ложек риса больше обычного.

Покончив с едой, что было уже часов около девяти, они увидели, как за окном вновь закружился лёгкий снежок. Лу Цинцзю спросил Инь Сюня, не хочет ли тот остаться на ночь. Тот, однако, покачал головой: «Сегодня нужно вернуться. В алтаре свечи менять – если не вернусь, потухнут».

Уговаривать Лу Цинцзю не стал.

Когда Инь Сюнь ушёл, Бай Юэху убрал со стола и отправился мыть посуду. Вернувшись в комнату, он застал Лу Цинцзю откинувшимся на спинку стула и задремавшим.

Чаша с тлеющими углями согревала комнату. Отблески пламени легли на щёки Лу Цинцзю нежным румянцем, губы его казались чуть ярче обычного. Весь его облик дышал таким уютным теплом, словно зимнее солнце.

Бай Юэху замедлил шаг. Он тихо подошёл ближе и склонился, взгляд его упал на губы Лу Цинцзю. Те были слегка приоткрыты, словно говоря, что ему сейчас очень хорошо. Он опьянён приятным теплом.

Почувствовав чьё-то присутствие, Лу Цинцзю вздрогнул и открыл глаза. Вначале его тёмные зрачки были затуманены сном, но, различив рядом Бай Юэху, медленно собрались в фокус. «Я... задремал...» — пробормотал он, голос его звучал мягко и всё ещё сонно.

«Угу», — отозвался Бай Юэху.

«Ах... слишком уж удобно...» — Лу Цинцзю потряс головой, стараясь окончательно проснуться. После сытного ужина да в такой жаре невольно сморило.

«Иди в спальню. Простудишься», — сказал Бай Юэху.

Люди – создания хрупкие. Одна болезнь может отнять жизнь.

«Да, ладно, — Лу Цинцзю поднялся, зевнув. — Кстати, насчёт апельсинов... я приготовил варенье. Принести попробовать?»

Лицо Бай Юэху на миг застыло, но тут же вернуло обычную непроницаемость. «Не надо».

«А? — Лу Цинцзю опешил. — Правда не хочешь?»

«Не надо. Я сыт».

Лу Цинцзю: «...»

Он был поражён до глубины души. Услышать от Бай Юэху «сыт» при таких обстоятельствах – это было нечто.

«Точно сыт?»

«Угу», — тон был настолько твёрдым, что у Лу Цинцзю зародилось подозрение. За ужином Бай Юэху съел куда меньше обычного. Может, стащил чего раньше? Хотя... похоже, причина была иная...

Когда до Лу Цинцзю наконец дошло, почему Бай Юэху отказывается от угощения, он не сдержал смешка. «Варенье-то не кислое, оно сладкое».

Бай Юэху молча смотрел на него.

Под этим взглядом Лу Цинцзю почувствовал лёгкую неловкость и сдавленно кашлянул: «Кхм-кхм... я же пошутил».

Выражение лица Бай Юэху оставалось каменным. «Очень смешно».

Лу Цинцзю: «...» Старший брат, прости! Больше не буду!

В конце концов, Лу Цинцзю всё же сходил на кухню и принёс Бай Юэху полную тарелку варенья. Апельсины, уваренные в сахарном сиропе, растеряли всю свою едкую кислоту. Кислинка и сладость слились в идеальный дуэт, выходил восхитительный десерт. Попробовав ложку и убедившись, что это уже не та адская кислятина, от которой днём чуть не выпали зубы, Бай Юэху медленно, но методично опустошил всю тарелку. Как только он закончил, Лу Цинцзю отправился в спальню отдыхать.

Стояла такая холодина, что мытьё без многофункциональной лампы для ванной превращалось в пытку. Собирая апельсины, Лу Цинцзю вспотел, и потому, хоть и боясь холода, он стиснул зубы и ополоснулся. После он наспех оделся и юркнул под одеяло, но даже спустя долгое время никак не мог согреться. Ноги заledenели и быстро теряли чувствительность.

Лу Цинцзю подбросил в жаровню ещё углей, раздув огонь посильнее, но чувствовал, что это подобно капле в море – бесполезно. Холод оставался всё таким же неумолимым.

Неужели зимы в деревне Шуйфу из его воспоминаний были такими же лютыми? Свернувшись калачиком на кровати и закрыв глаза, он пытался вызвать в памяти прошлое. Однако

единственное, что приходило на ум, – это обжигаяще горячее тушёное мясо, которое готовила бабушка, и лунный свет, что струился во двор, серебря покрытый снег.

Спалось Лу Цинцзю плохо. Он проспал от силы три-четыре часа, а разбудило его погасшее пламя в жаровне. Заснуть снова не получалось, и потому, накинув одежду, он отправился на кухню готовить завтрак в надежде, что движение хоть немного его согреет.

В какой-то миг Бай Юэху оказался за спиной Лу Цинцзю. К тому времени, когда Лу Цинцзю заметил его, тот уже, казалось, стоял на пороге довольно давно.

«Не спится?» — спросил Бай Юэху.

«Угу», — Лу Цинцзю кивнул.

«Кошмар приснился?» — продолжал допытываться Бай Юэху.

«Нет, — улыбнулся Лу Цинцзю. — Просто слишком холодно».

Услышав это, Бай Юэху слегка склонил голову. Он не ощущал обычных перепадов температуры, а потому не мог понять, каково это – просыпаться от холода, как Лу Цинцзю, но, похоже, в этом не было ничего приятного.

«Лучше протоплю кан*, — Лу Цинцзю, чуть устало зевнув, проговорил: — Иначе не знаю, как переживу эту зиму».

[Кан – обогреваемая кирпичная кровать.]

Кан находился в комнате его бабушки. Лу Цинцзю сохранил всё так, как было при ней, – это стало для него способом сберечь память о ней.

Зима только началась, а он уже находил её невыносимо холодной. Когда наступит декабрь, если не начать топить кан, он и вправду боялся замёрзнуть насмерть.

«Я сделаю, — сказал Бай Юэху. — В какой комнате?»

Лу Цинцзю хотел отказаться, но услышал: «Тебе ведь придётся касаться холодной воды».

При этих словах Лу Цинцзю невольно вздрогнул. В доме был водонагреватель, но на улице стоял такой холод, что вода едва прогревалась – толку от него было немного. Так что, если возможно, Лу Цинцзю стоило избегать контакта с холодной водой...

«Хорошо, тогда я тебя побеспокою, — Лу Цинцзю больше не сдерживался. — Это комната в юго-восточном углу».

Бай Юэху кивнул. Взяв полотенце и метёлку, он отправился убирать.

А на кухне Лу Цинцзю приготовил сладкий суп с таньюань и яйцами в вине из клейкого риса. И таньюань, и вино были домашними. Он сварил большую кастрюлю, разбил туда пять яиц-пашот и добавил две ложки коричневого сахара. Инь Сюнь и Бай Юэху могли съесть по два яйца, ему хватило бы одного.

Снег за окном повалил гуще. Инь Сюнь пришёл без зонта - на голове и плечах у него лежал тонкий слой снега. Войдя и заметив, что Бай Юэху прибирается в доме, он спросил: «Зачем ты вдруг убираешь другую комнату?»

Лу Цинцзю объяснил, что ему слишком холодно и он хочет растопить кан. Услышав это, Инь Сюнь поинтересовался: «А угля у тебя хватит? В следующем месяце нашу гору, скорее всего, заметёт, может не хватить».

«Похоже, что нет, — ответил Лу Цинцзю. — Надо бы съездить в город и привезти ещё».

«Ладно», — кивнул Инь Сюнь.

«Юэху, заходи, пора завтракать», — позвал Лу Цинцзю.

Большая кастрюля таньюань была разделена на троих. Таньюань из клейкого риса - мягкие, упругие, сладкие и очень сытные. Съев одну маленькую тарелку, Лу Цинцзю почти наелся. Глядя на погоду за окном, он забеспокоился. Теперь, когда стало холодно, у него не было ни малейшего желания выходить на улицу - хотелось только свернуться калачиком на кане. Но, чтобы топить кан, угля в доме явно не хватало - нужно было ехать в город.

Видя, как озабоченно лицо Лу Цинцзю, Инь Сюнь потёр нос и сказал: «Давай я сам съезжу, а ты оставайся дома».

«Ты умеешь водить?» — спросил Лу Цинцзю.

«Нет, — ответил Инь Сюнь, — но даже если не умею, проблем не будет. Пикап ведь может ехать сам... Разве нет? Пусть себе едет».

Слова звучали разумно, но Лу Цинцзю всё равно было не по себе. Он уже подумал, что лучше поехать с Инь Сюнем самому, как вдруг заговорил сидевший в стороне Бай Юэху: «Я поеду с Инь Сюнем. — Он догадался, о чём переживает Лу Цинцзю, и добавил: — У меня есть права».

Лу Цинцзю опешил: «Правда? У тебя есть водительские права?»

Бай Юэху согласно хмыкнул.

«Когда ты успел научиться водить? — не унимался Лу Цинцзю. — У тебя ведь нет ни удостоверения личности, ни прописки, верно?»

«Конечно, есть, — спокойно ответил Бай Юэху. — Иначе я был бы нелегалом».

Он сказал это так невозмутимо, что на мгновение Лу Цинцзю даже показалось, что в этом есть смысл.

В конце концов он махнул рукой и отпустил их. Перед уходом Инь Сюнь начал что-то говорить, но запнулся. Лу Цинцзю подумал, что тот боится оставаться наедине с Бай Юэху, и хотел было его утешить, но тут услышал тихое: «Это... Цзю-эр, ты не мог бы дать мне... денег на уголь?»

Лу Цинцзю: «...» Простите, он забыл, что единственный в этой семье распоряжается финансами, а его горный бог и лисий дух так бедны, что не могут позволить себе даже сяолунбао.

Он вытащил кредитку, вложил её в руку Инь Сюня и небрежно назвал пин-код.

Инь Сюнь крепко сжал карту и пообещал Лу Цинцзю, что защитит её ценой своей жизни. Даже если сам погибнет, он вернёт карту в целости.

«...Ты разве уже не мёртв? — усмехнулся Лу Цинцзю. — Откуда у тебя жизнь?»

Инь Сюнь онемел.

С кредиткой и Бай Юэху они сели в пикап. Лу Цинцзю смотрел, как они исчезают в конце деревни. Впервые Инь Сюнь и Бай Юэху вместе ехали в город. Глядя им вслед, Лу Цинцзю ощутил странное чувство - словно мать провожает сыновей в дальний путь. С одной стороны, радость, что сыновья наконец выросли, с другой - тревога: вдруг столкнутся с чем-то, с чем не смогут справиться?

Внезапно вспомнив о чём-то, он поспешно позвонил Инь Сюню и велел купить Бай Юэху телефон и сим-карту. Он всё время забывал об этом - теперь можно и уголь привезти, и телефон выбрать. Тем более Бай Юэху будет рядом - сам выберет, какой понравится.

Проводив их, он вернулся в дом. Сначала подбросил угля в таз для угля, затем нарезал сладкий картофель полосками и выложил их рядом с огнём - медленно подсушить. Высушенные, они становятся твёрдыми, их можно долго жевать. Хорошая закуска, чтобы убить время: зимой дел

мало, все сидят по домам, смотрят телевизор или бродят по интернету.

Пользуясь свободой, Лу Цинцзю разобрался со своим магазином на Таобао. Товары за этот месяц уже отправили, он решил сделать перерыв как минимум на два месяца и открыться весной.

Как только объявление появилось на сайте, в сети поднялся жалобный вой. Эффект воды для роста волос «Маленькой деревни» был очевиден – плохих отзывов почти не было. Многие даже выкладывали фотографии «до и после». Но, несмотря на спрос, объём продаж был крошечным – всего сто бутылок в месяц. Распродав всё, хозяин не пополнял запасы. Все уже настроились в следующем месяце снова сражаться за воду, а тут хозяин объявил, что больше продавать не будет...

«Босс, умоляю, я надеялся причесаться к сватовству на Новый год!»

«Босс, продайте ещё, ради всего святого! Вода для волос из вашего магазина – единственное, ради чего я живу!»

«Босс!..»

Лу Цинцзю пролистал множество таких сообщений. Ему было и смешно, и грустно, но открывать магазин он не стал. В следующем месяце он даже из деревни не выберется – как он будет отправлять заказы?

Ожесточив сердце, он закрыл приложение и перестал смотреть.

Инь Сюнь и Бай Юэху уехали в город, и Лу Цинцзю поленился готовить – достал несколько чашек лапши быстрого приготовления. Покончив с этим незамысловатым обедом, он постелил на бабушкину кровать толстую подстилку и растопил кан. Когда тот прогрелся, Лу Цинцзю с нетерпением улёгся. Почувствовав, как от кана разливается тепло, он испустил долгий, блаженный вздох.

Маленький лисёнок подошёл и устроился у его головы. Лу Цинцзю погладил его по головке: «Давай вздремнём вместе. К тому времени, как проснёмся, они уже вернутся».

Лисёнок лизнул его палец и свернулся клубочком.

Укутавшись в тёплое одеяло, Лу Цинцзю погрузился в глубокий сон. Прошлой ночью он плохо отдохнул – теперь голова коснулась подушки, и он провалился в дрему. Он спал, пока не услышал голос Инь Сюня: «Цинцзю, Цинцзю, ты где? Мы вернулись!»

Лу Цинцзю с трудом разлепил глаза и отозвался: «Я здесь».

Дверь со скрипом отворилась. Чьи-то ледяные руки коснулись его лба. Сквозь пелену сна он разглядел лицо Бай Юэху и хрипло прошептал: «Юэху... мне так жарко».

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: «Так жарко».

Бай Юэху: «Похоже, ты уже готов».

Лу Цинцзю: «Хм?»

Бай Юэху: «Раз уж ты приготовился, то будет хорошо, если я „съем“ тебя прямо сейчас, верно?»

Лу Цинцзю: «Хм...»

Переводчикам есть что сказать:

ессо: Глава очень насыщенная: больше чувств, больше подробностей и намеков на большее... И кое-кто наконец-то сыт! Цинцзю, нельзя так жестоко шутить с едой.

Рохана: Инь Сюнь - распутный подонок! /ржет/ Давайте его с лисенком сведем? Раз развращает дитяtko, то пусть сам и отвечает.

Бедный Бай Юэху! Как его обманули с этим апельсином х)